

Кратко об архиве. Это один из частных архивов Сибири (находится в Сокуре Новосибирской области), ему более шестидесяти лет. В нём имеются отделы: рукописный в несколько тысяч страниц, машинописный – примерно тридцать тысяч страниц, сброшюрованных в пятьдесят с лишним томов-фолиантов. Есть аудиоотдел, видео. В архиве за многие годы собраны Евгением Павловичем Иорданским рукописи интересных людей, дневники, самоиздат, письма, интервью, фото- и видеоматериалы культурной жизни трёх (в основном) городов: Москва, Новосибирск, Иркутск. Альманах предполагает знакомить читателей с неизданными страницами литературы.

* * *

Поэт **Анатолий Владимирович Маковский** родился 30 мая 1933 года в г. Болшево Московской области. Мать Елена Константиновна Маковская из знаменитого рода художников, дочь русского художника-передвижника Константина Егоровича Маковского. Во время войны Анатолий оказался в Германии, после войны – в детдоме под Иркутском, здесь получил среднее образование и одновременно окончил военно-музыкальную школу. В августе 1952 года направлен в военное училище, которое окончил с отличием. Служил в армии, учился на мехмате МГУ, работал по специальности «Программирование на ЭВМ» с 1966 по 1976 годы в Новосибирске. Первая книга стихов вышла в Новосибирске в 1992

году («Заблуждения»). С 1992 года после смерти матери жил в Киеве, откуда часто приезжал в Москву. В августе 1995 года последний раз уехал в Киев, после чего пропал без вести.

Знакомство Иорданского и Маковского датируется 1977 годом, Маковскому было 44 года. Тогда же были сделаны первые аудиозаписи чтения поэта. Рукописи Маковского, а их в фонде в Сокуре у Иорданского около двух тысяч машинописных страниц, многократно терялись, не случайно последний изданный на данный момент сборник называется «Чемодан («Стихи из утраченного чемодана»)). Большая подборка стихов была опубликована в сентябрьском журнале «Знамя» за 1995 год. Анатолий Маковский не признавал существования границ стиля, допуская употребление совершенно разных слоёв языка, включая высокую лексику, низовые и иронические пласты и поддерживая общее направление этих слоёв по нескольким разнонаправленным векторам. Он считал, что настоящая русская речь течёт по стройплощадкам, кочегаркам, базарам, охотничьим заимкам.

(Стихи из огромного наследия А. Маковского публикуются в авторской стилистике и пунктуации с разрешения владельца архива.)

Воспоминание о Новосибирске

Иду по улицам Новосибирска,
Шуршит троллейбус у обелиска
Как на проспекте клеймо Парижа
Моё распятие... Элегантно рыжие
По моде девушки
Журналов бежевых.
Они влюбляются всё реже...
Но очень стройные и очень стильные
Мадонны строгие, где ваши мстители?

В витринах – вазы. Цветов экстазы!
Смесь модернизма с шаманством Азии.
И много платья и украшений.
И кто-то платит и ушкуряется.

Любим мне Оперный, его купол опорный –
Предмет был зависти Тимура чопорного.
Академичен балет, синий хор звучит.
Жизель – богини Победы мучительней!
Окно в Европу, мираж культуры.
Дебюты робкие тореадоров.
А рядом – дешёвые лотки помидоров
И выбирает их Помпадур...

Сентиментальной консерватории
Я тоже данник консервативный.

Люблю по фирменным я магазинам
Пройти бесформенным, пройти разиней...
Смотреть консервы, смотреть портвейны.
Цветным концертом – этикетки на винах.

Шуршат среди яблонь автомобили.
И кинояды реклам забили
Фонтаном эротики. Широкой публике –
Фантомы невротики...
И – дамы с пуделем.

И книги листают любители пухлые.
А бич наблюдает за ними, с халупы.

Картуз здесь чаще, но есть и шляпа.
Идёт начальство – обкома шляхта.

Люблю партшколы полит-лектории
И их роскошные аудитории.
И свет рожковый амбулатории.
И – пирожковую. И – ту пельменную,
Где собирались попеременно мы.
И – напивались... И – стих кричали!
И тротуары нас опять качали.

Я там встречался с одной обезьяной,
Не понимая, кто здесь хозяин.
Он артистичен был до предела.
А я мистичен, как крест и дева!
Мы были разны, всегда ругались,
Над человечеством издевались.
Однако, вместе – всем цену зная,
И грязи месиво до трамвая
Крушили весело... и троллейбус
Шёл как пингвин вдоль парадных лестниц.

Провинциальным живя ампиром,
Провинциальным слывя кумиром,
Товарищ мой был импровизатор
И рассмешить мог хоть динозавра.
Мы всё равняли и с палеолитом,
Допив убогую нашу поллитру.
И разговоры чредой о Боге,
Когда в уме – лишь соблазна ноги,
Короче – Дьявол... Природа – вечна...

Мы собирали поэтов вече
И там, где можно – рубль занимали!
Мы так с посредственностью занимались.

У Фонякова на семинаре,
Где стих хороший не понимают,
Я познакомился с именами,
Которых матом не поминаю.

Ну, например – Игорёк Бухбиндер,
Браток желтеющий Дориана,
Потомок готики, степь Илиады,
Или – Неаполь, щёлк карабина...

Или – Иван, босячок богемы,
Глаза енота, язык иголкой.
ОН старого пединститута – легенда,
В стихах застряли лопухи Ван-Гога.

И Денисенко – покатый Гоголь,
Он вечно хриплый, как ворон Гойи.
Шагал совхозов, аренды Блок.
О, райский сад спелых конских яблок!

О, Толик Соколов! Он строго пишет.
В его стихах – васильки не дышат.
Застыли чинно в амбарах куклы,
Как после Вия заросший купол.

И, наконец, – Михаил Степаненко,
Мосты, разлёты, надрывы улиц!
И Достоевский стоит, нахмурясь,
Его послушник – в стране Советов!

Гением также был – Петька Степанов.
Он – позже пришёл и раньше ушёл.

Конечно, сравнение – всегда опасно,
Но всё же Гюго, Бальзак – шелуха.

А что этот город бы был без Валерки?
Качается у «Победы», пьян,
Но без идеолога – немыслимо лето.
А зиму – Шипилова красил баян.

А Славка Галкин, гимнаст и критик,
В то время – один только нас понимал.
Пословиц собрал не одну он тыщу,
Сальери ценитель, напоит с пельменями.

Но были также другие лица,
Как в Ленинграде фонтаны нищих.
Заводы серые, вся ваша роскошь,
Не в эрмитажах, а в залах Авроры.

Но эту вставку я оборву,
В воспоминаний лягу траву...

Вот водного особняк зелёный
Не знал, наверно, кто его строил,-
Орфей придёт в искусство влюблённый,
Как к Калибану пришёл Калиостро.

Он первым в Сибири – Высоцкого понял*
И нас – рядом с ним догадался поставить.
Куда ты поедешь? В – Израиль? В – Японию?
Но лучше – свиней петь. И – БАМа составы...

* Подразумевается Е. Иорданский.

Ух какая девушка хорошая!
Выходила бы ты за меня что ли замуж
Я кормил бы тебя одними пирожными
И увёз бы в свой польский замок

Там звучали бы тебе фонтаны
Сторожили бы тебя арапы
И на польском иноходце каталась
Ты б с гусаром сторонником Карла
(Вар.: И на чёрном иноходце каталась
Пока садовники сажают тюльпаны)

Ух какая девушка хорошая
Выходила бы ты за меня замуж
Я кормил бы тебя одними пирожными
И увёз бы в свой мелкопоместный замок

Я люблю ноги-кегли женщин
Я их чувствую на расстоянии
С каждым днём я с ума сошедший
У часовни в икон сиянии

Пусть шуршат по асфальту машины
Пусть эстеты проходят в шляпах
Вы подайте с другими мошенниками
В мою бывшую тоже шляпу

И стою как Христос столетий
Доживая свои минуты
А одна вон прошла в берете
И румянцами фу-ты ну-ты

Я уверен что будет час она
Жать педали фортепиано
И в музее наверно часто
Удостаивает Фудзи-Яму

Если был бы я самураем
Я бы вынул бы меч двуострый
Между адом тогда и раем
Покачнулся бы с нею просто

Но увы я сложнее как личность
А поэзия только поза
Милый Бог ведь ты не язычник
И держу я Твою бледную розу

Из цикла «Высшие истины»

Скоро выйдут клопы на прогулку
Дожую я свою грязную булку
Конь буланый лишь может присниться
А Уланова любила принца
Если был бы я английским вельможей
Закупил бы я партию верблюдов
У меня друг был со злобной рожей
И история решит что я ублюдок
Не играем в орла или решку
Пусть орехи растут на Кипре
Все равно я великий грешник
Познакомь меня с крокодилом Киплинг
Ходит там одна рыбачка с хлопком
А реки в стране завоевателей холодные
И купаются Дафнис и Хлоя

А наблюдают за ними хлопцы
Атаман их на мотоцикле
И у него как у муллы папаха
Вам угодно во владения мои Чимбер
Привяжите пёсика за платан
Как я рад вам тень у колонны
Все сегодня Наполеоны
И примусь я за дела
Как Далай-лама и Магеллан

На моей могиле тот орешник
И подпрыгивает дрозд пересмешник

Море

(из цикла «Мой Бодлер»)

Свободный дух – опять глядишься в море
Как в зеркало подвижное души
Оно сейчас спокойное как шиз
Но скоро переменится погода

Что ищешь ты? И где твоя волна?
Как до потопа небо – голубая?
А может та зеленая и злая
Встающая с кораллового дна?

(Варианты: И водоросли несущая со дна;
ещё: Пришедшая от их чудовищ дна)

И станет океаном вертикаль
Свободный дух ведь зеркало разбито!
Как страшна твоя мутная улыбка
И хорошо ко дну ползет корабль

Смирись о скорбь моя! Держи себя спокойно
Ты вечер все звала смотри он наступил
Плащ сумерек окутывает виллы
И уличный базар и наглый и нестройный

Пусть смертные в кормушках городов
Опять стремятся к скотским наслаждениям
Дай руку скорбь моя — подруга чердаков
Где высшие умы и наши привиденья

Там на балконах прошлого года
Под аркой неба в сереньких костюмах
Как грустна музыка когда кругом вода

Закат горит в почти неслышных струнах
Ночь черная красавица Багдада
Берет свой бубен скорбь идем туда

Приехал я в Москву вчера
Дворцы закрыты на ремонт
Но хорошо на хуторах
Там боров ходит вокруг подсолнуха

Там девки ягоды грибы
Онегин сосланный в Сибирь
Пьет самогон подле избы
С ним агроном и декабрист